ПРОВ. 1958

РАНИОН
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Проблемы колониальной диалектологии.

1. Задачи работы.

На территории СССР находится в настоящее время около 2000 немецких колоний, с общей численностью до 1.500.000 жителей. Колонии эти распределяются по следующим основным территориальным группам: 1. Волжская группа (Авт. Респ. Немцев Поволжья — около 200 кол.). — 2. Черноморская группа (южная Украйна, Крым, Сев. Кавказ, Закавказье — около 1000 кол.). — 3. Волынская группа (б. Волынская губ. — около 550 кол.). — 4. Ленинградская группа (б. Ленинградская губ. — около 30 кол.). — 5. Восточная группа (Приуралье, Западная Сибирь, Средняя Азия — около 200 кол.).

В истории немецкой колонизации в России необходимо различать три периода: 1. Колонизация при Екатерине II (1764—1774): основание Волжских колоний, а также небольших групп во внутренних губерниях — в Петербургской губ. (6), в Черниговской губ. (Беловежская группа — 6), в Воронежской губ. (1). К концу царствования Екатерины II (1789—97) относится основание старейших немецких колоний в Новороссии. 2. Колонизация при Александре I (1803—1823): поселение немцев в Новороссии (б. губернии Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабская) и в Закавказьи (б. губерн. Тифлисская и Елизаветпольская). 3. Колонизация при Николае I и Александре II (1830—1870): заселение Волыни (главным образом — выходцами из более старых немецких колоний б. Царства Польского).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР
337
52

Из более старых колоний-метрополий (Mutterkolonien), основанных выходцами из Германии, с течением времени, благодаря непрерывному приросту населения, образовалось большое число колоний-выселков (Tochterkolonien), отчасти — на казенных землях, предоставленных в распоряжение колонистов правительством, отчасти (в особенности — на юге) — на частных землях, приобретенных, преимущественно, у местных помещиков. Особенностью немецкой колонизации в России является быстрое расширение границ колонизованной территории путем основания многочисленных колоний-выселков. На юге, напр., на 160 колоний-метрополий, основанных при Александре I, приходится более 800 выселков; из 200 колоний, существующих в настоящее время в Крыму, только 8 являются метрополиями александровского времени. Вся восточная группа (Приуралье, Западная Сибирь, Средняя Азия) состоит из таких выселков, основанных в течение последних тридцати лет выходцами с Волги, из Новороссии и Волыни.[1]

Родным языком немецких колонистов, употребляемым в семье и в ежедневном общении в своей среде, является диалект. При этом, в зависимости от происхождения колонистов из той или другой части Германии, диалекты эти даже в соседних селах нередко являются очень различными. Кроме диалекта колонисты, в большинстве случаев, владеют еще двумя языками: немецким литературным языком (окрашенным, конечно, диалектически), который проникает в деревню чорез школу, церковь и книгу; русским языком, проводником которого также является школа, и кроме того — общение с соседями. В некоторых местностях имеют распространение также и другие языки, в зависимости от этнографического окружения (напр. украинский, татарский, грузинский и т. п.). Знание литературно-немецкого и русского языков может быть очень различным в зависимости от экономиче-

[1] Подробнее об истории немецкой колонизации см. V. Schirmunski «Die deutschen Kolonien in der Ukraine. Geschichte. Mundarten. Volkslied. Volkskunde». 1928. Москва — Харьков, Центр. Издательство Национальностей.

ского благосостояния и общего культурного уровня колонистов. Влияние немецкого литературного языка и, вообще, немецкой культуры гораздо сильнее ощущается на юге, где население более зажиточно; напротив, влияние русского языка заметнее на Волге, чем у черноморских немцев, которые, именно благодаря своей зажиточности, более обособлены от окружающего населения. При этом русское влияние обнаруживается почти исключительно в области лексики: от своих соседей колонисты заимствовали ряд названий для предметов и деятельностей крестьянского обихода, с которыми они впервые познакомились на новой родине.

Изучение говоров немецких колонистов представляет для лингвистики большой интерес не только с фактической стороны — как описание говоров, до сих пор почти не исследованных, но также с точки зрения принципиальной, методологической: изолированные среди иноязычного населения немецкие колонии являются как бы экспериментальной лингвистической лабораторией, в которой, на протяжении сравнительно краткого промежутка времени в 100—150 лет, в обстановке удобной для наблюдения, совершались языковые процессы, обычно развертывающиеся на протяжении целых столетий. Методологическое значение изучения колониальных говоров становится особенно очевидным с точки зрения теоретических принципов современной диалектографии, немецкой и французской.[1] Классическое языкознание старой школы рассматривало диалекты как продукты спонтанного, непрерывного и закономерного развития из «праязыка» по принципу «генеалогического древа» (Stammbaumtheorie). В противоположность этому, работы над французским и немецким диалектологическими атласами показали, что в реальной истори-

[1] О принципах немецкой диалектографии ср. В. Жирмунский «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением» («Этнография», 1927, кн. III). Об изучении колониальных говоров: H. Teuchert «Grundsatzliches uber die Untersuchung der Siedelungsmundarten» (Zeitschr. f. deutsche Mundarten, 1919).

ческой действительности не приходится говорить о таком спонтанном и непрерывном развитии языка, так как на самом деле происходит постоянное взаимодействие и смешение между соседними диалектами, обусловленное распространением культурных влияний, волнообразно расходящихся из определенных культурных центров. По мнению проф. Ф. Вредэ, *смешение и унификация* (Mischung und Ausgleich) являются вообще важнейшими факторами в истории языка. По отношению к отдаленным историческим эпохам, ввиду отсутствия непосредственных свидетельств, возможны лишь гипотетические реконструкции. Даже для говоров восточной Германии, возникших в результате колонизации земель, первоначально населенных славянами, процессы смешения до сих пор остаются невыясненными, несмотря на то, что исторические данные определенно говорят о смешанном составе населения. Напротив, в современных колониях процесс смешения доступен непосредственному наблюдению в благоприятных условиях лингвистического опыта. Исходными данными являются: наличность при основании данной колонии некоторого числа немецких говоров, известных нам по лингвистическому атласу Германии или из монографических описаний, и количественные отношения между этими говорами, т. е. число семейств, выселившихся из соответствующих частей Германии. За 100—150 лет развития на новой родине, в условиях изоляции среди иноязычного населения, из этих составных элементов возникает новый колониальный диалект, являющийся предметом нашего изучения. Сравнивая этот продукт смешения с исходными данными, мы можем обнаружить механизм процессов языкового смешения, при чем методологические выводы из непосредственных наблюдений над современными говорами послужат основанием для заключений по поводу аналогичных процессов в более отдаленные от нас эпохи исторического развития языков.

Первой задачей колониальной диалектологии является грамматическое описание говоров отдельных колоний. На основе такого описания возможно затем определение родины говора

(Heimatbestimmung), т. е. сравнение изучаемого колониального говора с диалектологическими отношениями метрополии. Первые сведения о говорах немецких колонистов в России относятся к середине XIX в.: известная диалектологическая хрестоматия Фирмениха приводит несколько примеров немецких говоров на р. Молочной (Мелитопольского окр.).[1] Почин научного описания и определения говоров принадлежит немецкому германисту В. Унверт: во время войны им были сделаны многочисленные записи среди военнопленных колонистов в концентрационном лагере Гольтгаузен.[2] На Волге Унверт установил наличность следующих диалектических типов: 1) верхне-гессенские говоры (Фогельсберг и Шпессарт); 2) гессенско-пфальцские говоры (окрестности г. Вормса и Оденвальд); 3. рейнско-пфальцские говоры (Баварская Пфальц около г. Цвейбрюкен). Немногочисленные записи из б. Херсонской губ. были отнесены к двум типам: 1) южно-рейнско-пфальцский тип (округ г. Ландау в Баварской Пфальц); 2) северно-эльзасский тип (так называемые южно-франкские говоры на северной границе Эльзаса, между г.г. Зельц — Вейссенбург — Лаутербург).

Работа по изучению волжско-немецких говоров ведется, в течение последних лет, под руководством проф. Г. Г. Дингеса (Саратов). Проф. Г. Г. Дингес опубликовал в 1923 г. диалектологическую карту колоний-митрополий (Mutterkolonien) Республики Немцев Поволжья.[3] В двух статьях, подводящих итоги диалектологическим исследованиям на Волге, он устанавливает, в дополнение к Унверту, наличность еще следующих новых типов: 4) южно-гессенские говоры (местность к югу от Таунуса, между гг. Майнцом — Франкфуртом — Дармштатом — Ашаффенбургом); 5) восточно-средненемецкие говоры (восточно-тюрин-

---

[1] Firmenich «Germaniens Volkerstimmen», 1854, т. III, стр. 434 сл.

[2] W. v. Unwerth «Proben deutsch-russischer Mundarten aus den Wolga-Kolonien und dem Gouv. Cherson», Berl. 1919.

[3] В сборнике «Beitrage zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets», Покровск, 1923.

генский и остерландский); 6) восточно-нижнѣнемецкие говоры (говоры меннонитов—низовья Вислы около г. Данцига).[1] В методологическом отношении существенное значение имеет устанавливаемое Дингесом различие в приемах определения говоров для колоний-метрополий (Mutterkolonien) и выселков (Tochterkolonien): первые происходят непосредственно из Германии и потому должны изучаться в соотнесении с германскими говорами; напротив, вторые происходят от русско-немецких диалектов соответствующих метрополий и, в первую очередь, должны быть сопоставлены именно с ними. В настоящее время Дингес заканчивает составление словаря волжско-немецких говоров (собрано около 20.000 слов), который выйдет в свет в течение 1928 г.

С 1924 г. аналогичная работа организована под моим руководством в ИЛЯЗВ: в настоящее время она охватила колонии Ленинградской губ., Украины, Крыма и Закавказья. Аспир. А. Н. Штрем составил грамматическое описание говоров старейших колоний Ленинградской губ. (Ново-Саратовка, Колпино, Средняя Рогатка), дополненное мною определением родины этих говоров: диалекты ленинградских колоний происходят из гессенской и баденской Пфальц (говоры восточно-пфальцские, между гг. Вормсом и Гейдельбергом) и из непосредственно прилегающей к ним с юга области Баден-Дурлах (на сев. от г. Карлсруэ).[2] С 1926 г. на средства, ассигнованные Наркомпросом УССР, ведется, под моим руководством, систематическое обследование диалектологии и этнографии немецких колоний Украины. Ближайшей задачей в области диалектологии является составление диалектологической карты колоний-метрополий, с грамматическим описанием и определением важнейших типов. С этой целью мною и асп. А. Н. Штремом были предприняты летом 1926, 1927 и 1928 гг.

---

[1] «Zur Erforschung der wolgadeutschen Mundarten». (Teuthonista, т. I, 1925); по русски: «К изучению говоров Поволжских немцев» (в Ученых Записках Саратовского Университета, т. IV, вып. 3, 1925).

[2] A. Ström und V. Schirmunski «Deutsche Mundarten an der Newa» (Teuthonista, т. III, вып. 1—2, 1926—27).

три поездки по колониям-метрополиям черноморского края. Материал собирался с помощью фонетических записей диалектологической анкеты Немецкого Лингвистического Атласа (Sprachatlas des Deutschen Reichs — так называемые 40 предложений Венкера) и 200 дополнительных слов, по списку, составленному мною с учетом тех особенностей русско-немецких говоров, которые требуют более внимательного обследования. Одновременно с этим, инспектором немецких школ УССР, тов. Патаком, были разосланы те же анкеты по всем трудовым школам, находящимся в колониях, при чем на 600 разосланных анкет от местных учителей было получено около 450 ответов. При таком комбинированном употреблении прямого и косвенного метода собирания диалектического материала явилась возможность с помощью прямых фонетических записей, сделанных нашими научными работниками в метрополиях, проверить и более точно истолковать ответы учителей, полученные из выселков и учитываемые, как косвенные свидетельства «наивных» в фонетическом отношении наблюдателей. Предварительные результаты обследования колоний-метрополий опубликованы мною в книге «Немецкие колонии Украины».[1]

В Крыму такая же работа по изучению говоров колоний-метрополий была предпринята летом 1926 и 1927 гг. научным сотрудником Э. Г. Иогансон, причем вторая поездка состоялась при моем участии на средства, ассигнованные Наркомпросом РСФСР. Зимой 1925—26 гг. мною было составлено грамматическое описание немецких говоров Закавказья: объектами изучения служили студенты-колонисты Немецкого Педагогического Техникума в Ленинграде;[2] для проверки собранного материала летом 1928 г. предпринимается специальная поездка. Летом 1927 г. и в декабре того же года студенты-практиканты Л. Г. У. —

---

[1] V. Schirmunski «Die deutschen Kolonien in der Ukraine», Kap. II, Die Mundarten.

[2] V Schirmunski «Die Schwabischen Mundarten in Transkaukasien und Sudukraine» (Teuthonista, Bd. 5, 1—2).

Л. Р. Зиндер, В. П. Погорельская и Т. В. Сокольская — совершили две поездки в Беловежские кол. (Конотопский округ УССР), составив грамматическое описание и собрав материал для этнографического словаря: говоры беловежцев оказались верхне-гессенскими. В то же время Е. Карлблом (член научно-исследовательского семинария по изучению колоний) посетила кол. Рибенсдорф (Воронежской губ.), говор которой оказался принадлежащим к северно-баденскому типу (область Баден-Дурлах).

На основании собранного материала является возможность составить диалектическую карту колоний-метрополий черноморского края. Вместе с тем возникает целый ряд общих вопросов колониальной диалектологии, которые затрагивают принципиально-существенные проблемы исторического языкознания. Эти общие вопросы я постараюсь поставить в дальнейшем на нескольких наиболее показательных примерах: они являются результатом коллективной проработки вместе с моими сотрудниками собранного нами в 1924—27 гг. материала.

2. Диалект и литературный язык.

В немецких колониях черноморской группы представлены следующие диалектические типы:

I. *Нижненемецкий*: 1. Нижне-франкские колониальные говоры с низовий Вислы около Данцига—в колониях Альт-Данциг (около г. Зиновьевска) и Иозефсталь (около Екатеринослава), у пруссаков Мариупольского окр. и у меннонитов II. *Средненемецкий*: 2. Верхне-гессенский—в старых колониях Беловежской группы (1765) в Конотопском окр. и в соответствующих выселках «беловежцев» («Belemeser») в Мариупольском окр. и в Крыму.—3. Западно-рейнско-пфальцский (из Баварской Пфальц, округ г. Цвейбрюкен)—в так называемых «венгерских» колониях Петерсталь и Фрейденталь (Одесский окр.) и их выселках («венгерцы» — немецкие

колонисты из южной Венгрии, переселились в Россию из колоний Torcza, Kisker, Szeghegy, Neu-Verbácz и др.). — 4. Южно-рейнско-пфальцский (из южной части Баварской Пфальц, окр. г. Ландау) — березанские колонии (Николаевский окр.). — 5. Восточно-пфальцский (из гессенской и баденской Пфальц) — старый говор католических колоний на р. Молочной (Мелитопольский окр.). — III. *Южно-немецкий:* 6. Северно-эльзасский (южно-франкский говор пограничной полосы на севере Эльзаса между городами Зельц, Вейсенбург, Лаутербург) — в католических колониях Одесского округа (Кучурганской и Клейн-Либентальской групп). — 7. Северно-баденский (южно-франкский говор области Баден-Дурлах) — господствующий говор колоний на р. Молочной. — 8. Швабский (из долины р. Неккар между гг. Марбах и Рейтлинген) — в колониях Вюртембергских сепаратистов в Закавказье, около г. Бердянска и в Одесском окр. (Гофнунгсталь), а также в Вюртембергских колониях Люстдорф и Гросс-Либенталь (Одесский окр.). — 9. Северно-баварский (из области, лежащей на юго-восток от Нюрнберга) — в кол. Ямбург около Екатеринослава. — IV. 10. *Смешанные говоры.*

Из этого общего обзора видно, что большинство колонистов происходит из западной Германии (Гессен, Пфальц, Баден-Дурлах, Вюртемберг, сев. Эльзас): эти области всегда были главным очагом эмиграции из Германии, благодаря перенаселению, крайнему раздроблению земельной собственности и тяжелым условиям, связанным с постоянными пограничными войнами с Францией. Сходство этих западно-немецких говоров между собой является наиболее существенной предпосылкой для понимания их судьбы на русской почве. При этом особенно близки между собой среднемецкие говоры Пфальца («южно-рейнско-франкская группа» — «südrheinfränkisch») и южно-немецкие говоры северного Эльзаса и северного Бадена («южно-франкская группа» — «südfränkisch»): мы будем обозначать их в дальнейшем, как «франкские» говоры. Напротив, говоры верхне-гессенский и

швабский представляют более резкие отличия от франкского типа. Что касается диалектов нижне-немецких и северно-баварского, то они представляют наиболее значительные отклонения как от франкского типа, так и от литературной нормы, и развиваются своими особыми путями.

Как уже было указано, литературный немецкий язык подвергается в колониях значительному воздействию местных диалектов, под влиянием которых он приобретает более или менее отчетливо выраженную местную окраску («mundartlich gefärbte Umgangsprache»). С другой стороны, диалекты также в различной степени испытывают влияние нормы литературного языка. Говоры «франкской» группы сравнительно мало отклоняются от литературного языка: поэтому, при столкновении с нормой, они обнаруживают большую стойкость. Иначе обстоит дело с диалектами гессенским и швабским, которые очень заметно отличаются от нормы: при столкновении с господствующим языком они постепенно утрачивают наиболее резкие и характерные диалектические отклонения; с течением времени на основе старого говора развивается новый диалектический тип, сохраняющий только наименее резкие и заметные приметы соответствующего немецкого говора («ново-швабский», «ново-гессенский»). В дальнейшем мы будем обозначать, как *первичные* диалектические признаки, те особенности указанных говоров, которые образуют наиболее заметные отклонения от нормы литературного языка (или от соседних говоров), а менее значительные отклонения будем называть *вторичными* диалектическими признаками. Деление это, конечно, условно и вовсе не предполагает наличности между признаками того и другого рода незыблемой и объективной границы: оно лишь отмечает некоторые тенденции, которые, однако, как мы увидим в дальнейшем, имеют существенное значение для истории говоров.

Примером влияния литературного языка на развитие говора с ярко выраженными первичными признаками может служить

судьба швабских говоров на территории СССР.[1] Большинство швабских колоний черноморского края было основано в 1818—1822 гг. вюртембергскими сепаратистами, покинувшими свою родину целыми общинами, более или менее обширными: к числу сепаратистских колоний относятся группы закавказская (кол. Елизабетталь, Катериненфельд, Еленендорф и др.), бердянская (Ней-Гофнунг, Розенфельд, Ней-Гофнунгсталь, Ней-Штутгарт) и кол. Гофнунгсталь (Одесский окр.). Независимо от переселения сепаратистов возникли (в 1804—05 г.г.) колонии Люстдорф и Гросс-Либенталь (около Одессы). Между этими диалектами наблюдаются небольшие различия, обусловленные происхождением колонистов из разных частей Вюртемберга; в основных чертах, однако, эти говоры могут быть локализованы в долине Неккара между Марбахом и Рейтлингеном. Важнейшие отклонения от литературного языка могут быть разбиты на следующие группы:

а. *Первичные признаки:* 1. Дифтонгизация долгих o:, e: (ö:) > ao, ae (graos, haox; šnae, baes «böse»). 2. Дифтонгизация iu > ui (fuir, nui, sui «sie» fem., uiç). 3. Дифтонгизация краткого открытого ë > ɛʁ при удлинении (bɛʁsʁ, rɛʁgʁ, rɛʁxt). 4. Выпадение n перед спирантами с заменительным удлиннением ɯ, в соответствующих случаях, с дифтонгизацией (ga:ⁿs, ge:ⁿs, o:ⁿs «uns», faeⁿf «funf», vaeⁿšʁ «wünschen», daeⁿšteç «Dienstag» и др.). 5. ei > ɔe (hɔes, brɔed). 6. Отдельные лексические особенности (haoⁿ «haben», laoⁿ «lassen», gaoⁿ «gehen», štaoⁿ «stehen»; gaŋ, gɔ:št, gɔ:d «gehen», präs. sing.; štand, štɔ:št, štɔ:d «stehen», präs. sing.).

б. *Вторичные признаки.* 1. Расширение перед носовыми i, u > e, o (bendʁ, reŋ, joŋ, grom «krumm»). 2. Сохранение старых дифтонгов uo, ie (üe) (guəd, bruədr; liəb, miəd). 3. Дифтонгизация старых долгих u:,i: (ü:) > əu, əi (для швабского характерна окраска первого элемента дифтонга: в литературном языке

[1] Ср. V Schirmunski «Die schwabischen Mundarten in Transkaukasien und Sudukraine» Teuthonista, Bd. V, 1—2.

и в франкских говорах — au; äi или ai) (həus, ləud; vəib, əis, məis «Mäuse»). 4. Отчетливое различие между закрытыми и открытыми e — ɛ, e: — ɛ:, o: — ɔ: (besr — ɛsʁ, bed — bɛdlʁ; e:sl, be:s — ᶜkɛ:s, dɛ:g, šlɛ:g; lo:bʁ — ɔ:bəd). 5. Общая форма 1—3 лица множ. числа на -əd (mr breŋəd и т. д.) и др.

Развитие старо-швабского диалекта на новой родине колонистов пошло различными путями. Наиболее архаический характер имеют говоры сепаратистских колоний в Закавказье и около Бердянска: благодаря сепарации, эти колонии, в течение долгого времени, лишены были той связи с городской культурой и литературным языком, которая в лютеранских колониях устанавливалась прежде всего через проповедь и церковную школу; существенное значение имела также географическая изолированность от других немецких поселений. Из закавказской группы лучше всего сохранила старый говор кол. Елизабетталь: только форма o:ⁿs вытеснена здесь более новой формой ons (в старых записях сепаратистских проповедей 40-х годов встречается еще uⁿs).[1] В колонии Катериненфельд молодое поколение говорит уже ho:x, gro:s, ho:xtseç (вместо старого haotseç «Hochzeit»), однако — flao «Floh» («блоха»): последнее слово принадлежит к интимному языковому обиходу и потому не подвергается воздействию литературного словаря. В Еленендорфе, наиболее богатой и культурной из закавказских колоний, новые формы ho:x, gro:s, flo: окончательно вытеснили старые во всех поколениях. В то же время широкое распространение получили новые формы lɛ:bʁ, rɛ:gʁ, šlɛçt (вм. lɛʁbʁ, rɛʁgʁ, šlɛʁxt); у младшего поколения появляются fəiər, nəi, əiç (вм. fuir и т. д.). Архаические формы haox, raod и т. п. воспринимаются в настоящее время жителями Еленендорфа, как диалектическая особенность «грузинских» колоний (Елизабетталя, Катериненфельда и др.). Таким образом, хронологические различия между поколениями становятся посте-

[1] См. Fr. Schrenk «Geschichte der deutschen Kolonien in Transkaukasien», Tiflis, 1869, стр. 95 сл.

пенно географическими признаками: то, что было недавно отличием младших от старших внутри одного села теперь отличает села, сохранившие говор более архаический, от других, более «прогрессивных» в языковом отношении.

Гораздо быстрее развивается в том же направлении диалект кол. Гофнунгсталь (Одесский окр.): прекращение сепарации (в 1891) и близость многочисленных колоний «франкского» типа способствовали постепенному устранению всех наиболее заметных признаков старо-швабского диалекта. Господствующий современный говор кол. Гофнунгсталь знает только новые формы: gros:s, ho:x; šne:, be:s; fəiər, nəi; fenf, gans; bɛ:sɐ, štɛ:lɐ и т. п. По отношению к ɔe наблюдается колебание: hɔes — haes, brɔed — braed. Незатронутыми остаются только вторичные диалектические признаки. Старики, однако, в особенности — в верхнем конце села (Oberdorf), говорят еще graos, šnae, fuir, bɛɐsa и т. п., или, по крайней мере, знают эти формы из языкового обихода прежнего времени.

Дальше всего в своем развитии зашли кол. Люстдорф и Гросс-Либенталь. Близость Одессы, насчитывающей издавна большое число горожан-немцев, общение с многочисленными окружающими колониями франкского типа, менее единообразный состав первоначальных поселенцев (по церковным книгам кроме вюртембержцев среди них значится также некоторое число баденцев) — все эти обстоятельства способствовали более быстрой и интенсивной модернизации этих говоров. Большинство первичных признаков швабского диалекта вытеснено здесь окончательно новыми формами: старшее поколение уже не помнит швабских форм. Однако, по рассказам стариков можно установить, что в годы их молодости язык сильно отличался от господствующего в настоящее время: отдельные архаические формы еще всплывают иногда в сознании рассказчика, напр. «fuir jɔ:!» (крик при пожаре) или «s rɛɐgəˀd» («дождь идет») — рядом с новой литературной формой rɛ:gɐ («дождь»). Вторичные признаки говора и здесь сохранились без изменений.

Таким образом в колониях постепенно развиваются новые говоры, сохраняющие от старо-швабского лишь те диалектические особенности, которые наименее заметно отклоняются от литературной нормы (напр., дифтонги iə, uə; расширение i, u перед носовыми; характерная окраска дифтонгов əi, əu; общая форма множ. числа на -əd и т. д.). Такой «ново-швабский» говор, в своей современной структуре, не может быть без предварительной обработки локализован на немецкой диалектической карте: иначе мы будем искать ему иллюзорных соответствий среди пограничных швабско-франкских говоров, в которых случайно отсутствуют те или иные из первычных признаков старошвабского диалекта. Необходимо предварительно восстановить правильную временную перспективу развития говора на русской почве, с помощью отдельных архаических форм («реликтов»), засвидетельствованных у старого поколения: определение родины говора требует в подобных случаях предварительной реконструкции определяемого объекта.

Интересно отметить, что развитие колониальных швабских говоров идет по тому же пути, по которому в самой Германии развивается разговорной язык образованного общества в Вюртемберге — т. н. «Honoratiorenschwäbisch», язык средней буржуазии и чиновничества. И здесь постепенно отпадают первичные диалектические признаки. Карл Хааг, известный исследователь швабских говоров, замечает по этому поводу следующее: «Чиновник нередко ограничивается заменой швабских дифтонгов ao, ae (вм. graos, naoⁿ, haoⁿ, mae — gro : s, no : ⁿ, haⁿn, me:); иногда замене подвергаются также дифтонги oe, oeⁿ, ɛə, eəⁿ (вм. vɔes, oeⁿ nər — vaes, aeⁿnər; вм. vɛəg, fərlɛəbt, dɛər, veəⁿn neəⁿmə — vɛ : g, fərlɛ : bt, dɛ : r, ve : ⁿn, ne : ⁿmə); из долгих гласных заменяются те, которые заметно изменяют графический облик слова (вм. fərštɔ : d, lɔ : d, do : ⁿmə, vu : rd — fəršte : d, lest, daoⁿmə, vird; вм. приставок a : ⁿ-, fo : ⁿ- — aⁿn-, foⁿn-); из кратких гласных — такие случаи, как aləs (вм. ɛləs), bsoldoⁿŋ (вм. bsoldeⁿŋ). В остальном он сохраняет особенности швабского

диалекта, если не хочет казаться жеманным»...[1] Поскольку говоры долины Неккара находятся сейчас под сильным влиянием Штутгарта, как главного культурного центра Вюртемберга, можно с большой вероятностью предсказать, что вся эта местность в ближайшее время проделает ту же эволюцию, которую мы могли наблюдать в колониях при развитии ново-швабского говора; при этом архаические формы останутся на востоке и на западе от Неккара, в горах Шварцвальда и Швабской Юры. Диалектическая карта Вюртемберга уже сейчас на некоторых отдельных примерах подтверждает этот прогноз. Так, дифтонгизация o перед r + cons. отсутствует в долине Неккара, но представлена на западе в Шварцвальде и на востоке в Юре (ˈkoɐrn, ˈkoɐrɐ «Korn», voɐrd, foɐr). В закавказских колониальных говорах, происходящих из долины Неккара, до сих пор встречается еще дифтонгизованная форма (напр. в Елизаветтале, у старшего поколения — ˈkoɐˈn, tsoɐˈneç и т. д.): очевидно, в XVIII в. на родине колонистов она тоже еще не была вытеснена городским влиянием. Сходным образом в некоторых словах выпадение n перед d, с заменительным удлинением предшествующего гласного (напр. ˈke : ⁿd вм. ˈkend, ho : ⁿd вм. hond) постепенно вытесняется из той же центральной области Вюртемберга, наиболее подверженной городскому влиянию. Таким образом и в самом Вюртемберге, как и в колониях, исторические (временные) различия между поколениями становятся в процессе развития говоров географическими (пространственными) признаками диалектов.

Сходные явления наблюдаются и в верхне-гессенских говорах. И здесь можно установить различие между первичными и вторичными признаками. К первой группе относятся напр. такие явления: 1. так называемые «обращенные дифтонги» (gestürzte Diphthonge): uo, ie > ɔu, ɛi (gɔud, bɔux; lɛib, dɛif); 2. üe > ɔi (sɔis, mɔid); 3. переход интервокального -d- > -r- (gɔurə «gute», ru : rə «rote», šlirə «Schlitten»); 4. сужение o:, e: (ö:) > u:, i:

[1] Karl Haag «Verkehrs- und Schriftsprache auf dem Boden der örtlichen Mundart» (Die neueren Sprachen, 1901, т IX, стр. 261).

Академия Наук СССР

(gru : s, hu : x; šni :, bi : s) и др. Ко второй группе можно отнести напр.: 1. Смягчение интервокальных спирантов, в особенности после долгого гласного или дифтонга (o : wə «Ofen», ʿka : we «kaufen», graižə «kreischen», bi : zə «böse», väizə «weisse»); 2. сохранение конечного n в неударном слоге после r (с выпадением или редукцией r) (u : n «Ohren», fo : n «fahren», ʿkon и т. п.); 3. ü > ɔi (в литературном языке ai, äi, в франкских говорах — äi) (lɔid, hɔizr); 4. многие другие явления, которые объединяют гессенский говор с общефранкским диалектическим типом (ср. ниже, гл. 3; напр. au > a:, ei > a:, интервокальное -w- вместо -b- и др.).

В старых колониях беловежской группы (Конотопский окр.), как показали наблюдения нашей диалектологической экспедиции (записи Л. Р. Зиндера, Т. В. Сокольской, В. П. Погорельской), сохранились все особенности старого верхне-гессенского говора: беловежские колонии, благодаря своей обособленности от других немецких поселений и сравнительно невысокому уровню благосостояния и культуры, не испытали сколько нибудь заметного влияния литературного немецкого языка. Напротив, в многочисленных выселках «беловежцев» (так называемых «Belemeser») в южной Украине (Мариупольский окр.) и в Крыму влияние литературного языка и соседних франкских говоров выступает гораздо более отчетливо. Обращенные дифтонги уже исчезли: дифтонг ɔi (< üe) встречается только у старшего поколения; переход -d- > -r- сохраняется в отдельных изолированных словах (напр. šlirə и др.). Более прочно держится сужение: однако, и здесь уже встречаются дублеты, особенно — у молодого поколения. Напротив, вторичные признаки остаются без изменения. Вообще, различия между поколениями выступают здесь очень отчетливо, а также в пределах одного поколения — существенные колебания, обусловленные социальным и культурным уровнем говорящего. Для того, чтобы реконструировать старый говор «беловежцев» приходится и здесь обращаться к показаниями стариков.

Аналогичные факты открывает и диалектическая карта проф. Г. Г. Дингеса по отношению к обширной группе верхне-гессенских говоров, представленных на Волге. Интервокальное -r- всюду уже непрочно, а во многих колониях совсем исчезло. «Обращенные дифтонги» отсутствуют напр. в колониях Варенбург, Мюллер, Крафт, Бангерт и др., которые, по прочим своим признакам, принадлежат к верхне-гессенскому типу; в других колониях, как напр. Вальтер, Нидермонжу и др., отсутствуют все первичные признаки, но сохранились напр. ɔi из ü: (hɔisr, lɔid) и конечное -n после r. При отсутствии первичных признаков верхне-гессенского говора является соблазн локализировать соответствующий колониальный диалект в более южной части Германии, в области говоров «южно-гессенских» (между городами Майнц — Франкфурт — Ашаффенбург — Дармштадт): действительно, южно-гессенские говоры отличаются от верхне-гессенских главным образом отсутствием первичных признаков, характерных для последней группы. Однако, совпадение это может быть и чисто случайным, если мы имеем дело с говором «ново-гессенским», т. е. с продуктом эволюции верхне-гессенского типа на колониальной территории. Для окончательного разрешения этого вопроса необходимо привлечение исторических данных о составе первых поселенцев и внимательное обследование самого говора, с учетом различий между поколениями.

3. Смешанные говоры.

Франкские говоры черноморских колоний обнаруживают большое число общих признаков, на основе которых постепенно вырабатывается своего рода «общий язык» (κοινή). Приведем важнейшие из этих признаков: 1. b, d, g — слабые глухие (lenes); 2. ü, ö, eu делабиализованы в i, e, äi; 3. a: > o: (o: wəd, šlo: fə); 4. ou > a: (ʿka: fə, da: b) — за исключением говоров южно-рейнско-пфальцских, где ou > ɛ: (ʿkɛ: fə, dɛ: b); 5. расширение i(ü), u, e(ö), o перед r: в различных франкских диалектах

степень расширения бывает различной (напр. voršt, vɔršt, våršt; beršt, bɛršt, bäršt и т. п.); 6. -b- является спирантом -w- (-v-) между гласными и после r, l (o : wəd, gla : wə, sɛlwr, štärwə); 7. st, sp > št, šp внутри и в конце слова (mišt, brušt, hašpl); 8. ассимиляция -nd- > -n- внутри слова (finə, unə), частично также -rd-, -ld- > -r-, -l- (напр. värə «werden»); 9. отпадение -n на конце слова: 1. в односложных словах после долгого гласного или дифтонга (vaiⁿ, so:ⁿ); 2. в заударном положении в окончании -en (briŋə, oksə, gu : də): исключение представляет множ. ч. наст. врем. в зарейнских говорах (см. ниже) и др.

Рядом с этим существует группа признаков, дифференцирующих франкские говоры между собой: 1. ᶜp — pf (говоры №№ 3—5 против 6—7): следует подчеркнуть, что признак этот, которым историческая грамматика пользуется для деления верхне-немецких говоров на средне-и южно-немецкие, фактически имеет значение не большее, чем другие дифференцирующие признаки; 2. ei > e: в № 3 (bre : d, de : l); > ɛ: в № 4 (brɛ : d, dɛ : l); > a: в №№ 5, 6 (bra : d, da : l); > a : i в № 7 (bra : id, da : il); 3. -g- внутри слова между гласными и после r, l произносится как спирант (γ, j или x, ç) или как взрывной (g) или исчезает (напр. «wagen» — va : γə, vaxə, va : gə, va:; «fliegen» — fli : jə, fliçə, fli : gə, fli : ə и т. д.); 4. образование множ. числа в глаголах: зарейнские говоры (№№ 3, 4, 6) имеют общую форму для 1—3 лица множ. ч. -ə(n), в правобережных говорах (№№ 5, 7) множ. ч. образуется, как обычно; 5. редуцированные окончания причастий сильных глаголов (gfal, gəbrox) в № 3 и некоторые др.

Гораздо значительнее, как это уже было указано, отклонения от обще-франкского типа в говорах верхне-гессенском и швабском. Верхне-гессенский говор сохраняет st, sp внутри слова, как и литературный язык (mist, haspl), в остальном он совпадает с франкской группой во всех ее общих признаках; ei дает a:, как в №№ 5—6 (bra : d, da : l). Швабский диалект совпадает с обще-франкским типом в признаках 1, 2, 7; с другой

стороны, он имеет, в противоположность франкским говорам, как литературный язык, дифтонг ao < ou (ʿkaofɐ, daob), взрывные -b- в интервокальном положении (glaobɐ, štɛrbɐ), отсутствует расширение перед -r (vu : ršt, bi : ršt, с удлинением гласных i, u перед -r + dental.), а также — ассимиляция -nd- (fendɐ, fondɐ). В противоположность франкскому, a: дает ɔ:, а не o:, ei отражается как ɔe (brɔed, dɔəl). К этому следует присоединить те многочисленные отклонения первичного и вторичного типа, которые были уже перечислены выше.

При смешении франкских говоров между собой, общие признаки образуют грамматическую основу продукта смешения; напротив, наличие дифференцирующих признаков обусловливает возникновение конкурирующих форм (ʿpɛfr — pfɛfr, brɛ : d — bra : d), из которых одна вытесняет другую. При этом вполне возможно, что в одном ряде признаков побеждает один из конкурирующих говоров, в другом ряде — другой (напр., при столкновении пфальцского и северно-эльзасского, ʿpɛfr может вытеснить pfɛfr, как в пфальцском, и в то же время bra : d вытеснить brɛ : d, как в северно-эльзасском). В таких случаях возникают смешанные говоры, которые не могут быть локализованы на диалектической карте Германии: необходимо сперва установить их составные элементы, и каждый из этих элементов потребует отнесения к соответствующему географическому району. С другой стороны, в пределах каждого звукового ряда возможны также колебания и непоследовательности (см. ниже): в сущности каждое отдельное слово имеет свою особую судьбу в борьбе с соответствующим конкурентом (ʿpɛfr против pfɛfr, ʿpund против pfund и т. д.); в общем, однако, господствует тенденция закономерного и единообразного развития в пределах звукового ряда (ʿpɛfr, ʿpund, ʿpäif. . . и т. д.), в особенности — для вторичных диалектических признаков.

При смешении франкских говоров с швабским или верхнегессенским первичные признаки этих последних, как правило, отпадают, даже в том случае, когда на стороне этих говоров

было численное превосходство. Первичные признаки являлись наиболее значительным препятствием при сношениях между разноязычными поселенцами и потому должны были прежде всего подвергнуться нивелирующему воздействию языкового смешения. Вторичные признаки швабского и верхне-гессенского могут конкурировать с соответствующими особенностями франкских говоров, при чем победа остается и здесь то за одним типом, то за другим. При этом далеко не всегда побеждает форма, более близкая к литературной норме; напр. франкское a: (< ou) или -w- легко может вытеснить швабское ao и b, несмотря на то, что швабские формы совпадают с литературными. Общие признаки франкской группы, даже в случаях расхождения с литературной нормой, обладают значительной стойкостью, т. к. они являются, как уже было сказано, грамматической основой «общего языка» для большей части черноморских колоний.

Приведем несколько наиболее показательных примеров:

1. Кол. Францфельд (Одесский окр.), католич. По свидетельству исторических источников,[1] первые поселенцы происходили из Эльзаса (Лаутербугский окр.) и из Верхней Баварии, т. е. Баварской Пфальц (Ландауский окр.). Говор кол. Францфельд принадлежит к зарейнскому типу (общая форма множ. числа -ən), при чем дифтонги ei и ou дают ɛ:, как в южно-рейнско-пфальцском говоре Ландауского окр. (hɛ:s, brɛ:d — ʿkɛ:fə, frɛ:). Однако, вместо средне-немецкого ʿp-, которого следовало ожидать в пфальцском говоре, мы имеем южно-немецкое pf—(pfund, apfl, kʿopf), элемент, проникший из эльзасских говоров. Этот признак вытеснил пфальцское ʿp- не только благодаря поддержке литературного языка, но прежде всего потому, что все соседние говоры католических колоний Одесского окр. (Клейн-Либентальской и Кучурганской группы) принадлежат к северно-эльзасскому типу. По свидетельству одного старика, в прежнее время ʿp-

---

[1] Ср. A. Zerr «Einwanderungsgeschichte der Familie Zerr in Russland», Odessa 1914, стр. 14.

имело в к. Францфельд довольно большое распространение. Молодому поколению оно совершенно чуждо и воспринимается им, как признак «лютеранских» говоров («lutherische Sprache»): соседние лютеранские колонии принадлежат к западно-рейнско-пфальцскому типу, т. е., действительно, имеют средне-немецкое ʿp-.

2. Кол. Александергильф и Нейбург (Одесский окр.), лютер. Население смешанное. Первые поселенцы (1805) происходили из Вюртемберга; их потомки до сих пор называются «швабами». После того как значительная часть их погибла в первый же год поселения от эпидемических заболеваний, на их месте поселены были новые колонисты, пришедшие из Венгрии.[1] «Венграми» («Ungarn»), т. е., точнее, немецкими колонистами из Венгрии, основаны были в то же время две соседние колонии—Петерсталь и Фрейденталь. Говор этих венгерских колоний западно-рейнско-пфальцский. Кол. Александергильф и Нейбург принадлежат в основе к тому же диалектическому типу: 1. среднем. ʿp- (ʿpund, apl, ʿkop); 2. зарейнск. общая форма множ. числа (-ən); 3. сокращенные причастия — характерный диалектический признак западной части Баварской Пфальц (gfal, gəbrox). Рядом с этим, однако, наблюдается расширение i, u + nasal > e, o (reŋ, joŋ), явление, типичное для швабских говоров. Вместо ожидаемого в западно-рейнско-пфальцском перехода ei > e: обе колонии имеют å : i (brå : id, då : il) перед отпадающим конечным -n- более узкий дифтонг kɔi^{n} (štɔi^{n}, ʿkɔi^{n}), то же перед -m (hɔi^{n}m), при сохранении -n- стяжение дифтонга в å: (ʿkå : nr, må : nšt). Дифтонги, вероятно, являются результатом компромисса между франкским a: и швабским əe (oe^{n}), как и в ново-швабских говорах Гросс-Либенталя и Гофнунгсталя (однако, интересно

[1] Согласно официальным данным отчетов немецких волостных управлений (Schulzenberichte) 1848 г. в к. Александергильф из общего числа 68 сем. из Вюртемберга происходили 36, из Венгрии — 21, из Пфальца и Эльзаса — 6, из других мест — 5; в к. Нейбург — из Вюртемберга — 42, из Венгрии — 29 (см. G. Leibbrandt «Die deutschen Kolonien in Cherson und Bessarabien. Berichte der Gemeindeamter», Stuttgart, 1926, стр. 45 и 49).

отметить совпадение с южно-франкским говором Баден-Дурлаха). Кроме того в к. Александергильф наблюдается колебание между средне-немецким ʻp- и южно-немецким pf-, которое до сих пор не пришло в равновесие. Ср. ʻpoštə, ʻpäifə, ʻpɛfr, pfond, pfeŋštə, šlupə (šlupfə), ropfə (ropə), ʻkopf, tsopf (tsop), šdomp, šdromp (šdrompf) и т. п. Южно-немецкое pf-, поддержанное литературным языком, повидимому распространяется дальше. В Нейбурге встречается только ʻp-. Другие признаки швабского говора отсутствуют, франкские формы победили и в тех случаях, когда литературная норма совпадает с швабским диалектом (напр. в таких случаях, как франкск. ou > a: ,-nd- > -n-, интервокальное -w- вместо -b- и т. п.).

3. Кол. Иоганнесталь (Николаевский окр.), лютеранск. Большинство поселенцев происходит из Вюртемберга (по официальным данным из 66 сем. — 41).[1] Диалект обнаруживает смешение швабских и общефранкских элементов, из которых последние удержались в говоре или, может быть, проникли в него при поддержке соседних франкских колоний. Из швабского говора происходят следующие признаки: 1. Расширение i, u перед носовыми (reŋ, joŋ); 2. Общая форма множественного числа на -əd (mr breŋəd...); 3. взрывное -g- в интервокальном положении (fli : gə, dra : gə); 4. ei > ɔe, ei + nasal. > oiⁿ, o : ⁿ (hɔes, brɔed; šdoiⁿ, mo : nšt); 5. характерное произношение новых дифтонгов əi, ɛi (< i :), əu, äu(< u :) (ɛis, häus). К франкским говорам восходят, напр.: 1. ou > a: (в швабск. ao) (ʻka : fe, da : b); 2. интервокальный спирант -w- вместо -b- (в швабск. -b-) (lo : wə, štɛrwə); 3. ассимиляция nd- > -n- (в швабск. -nd) (benə, fenə); 4. расширение перед -r (отсутствует в швабск.) (ʼkorts и т. п.). Первичные признаки швабского говора исчезли при смешении (graos, šne:, fuir и т. д.); так же и старые дифтонги iə, uə. В целом ряде случаев, где формы обще-франкские

---

[1] Официальные данные ср. Leibbrandt, op. cit., стр. 86.

конкурировали с швабскими, победа осталась за первыми, несмотря на совпадение швабских форм с литературной нормой.

К тому же типу франкско-швабских смешанных говоров относятся диалекты кол. Гюльдендорф (Одесский окр.), Ватерло (Николаевский окр.), Бергдорф и Глюксталь (Молдаванская респ.), а также «крымско-швабские» диалекты большинства колоний-метрополий Крыма, в Симферопольском р. — Нейзатц и Фриденсталь, в Феодосийском р. — Гейльбрунн, Цюрихталь, Герценберг, Судак. Развитие этих смешанных говоров идет одинаковыми путями. Первичные диалектические признаки швабского везде отпали; точно так же — старые дифтонги iə, uə (напр. li : b, mi : d, gu : d). Из вторичных признаков сохранились напр. множ. ч. на -əd (Гюльдендорф, Крым), расширение перед носовыми (Бергдорф, Глюксталь, Крым), характерное для швабского произношение новых дифтонгов ei и au (əis, ɛis; həus, häus — повсюду); старое ei имеет дифтонгический характер (å : i, a : ɪ, ai), перед носовыми — произношение более закрыто (oiⁿ, ɔiⁿ, å : iⁿ), при чем в некоторых говорах наблюдается стяжение перед сохранившимся -n (du : måː ⁿnšt, mɔ : ⁿnšt). С другой стороны, из обще-франкских особенностей имеют наибольшее распространение переход ou > a: (ʿka : fə, da : b) и интервокальное -w- вместо-b- (за исключением Гейльбрунна и Герценберга, в Феодосийском р.). В большинстве случаев -nd-, как в франкских говорах, ассимилировано в -n- (в Бергдорфе и Глюкстале -nd-), однако -ndr- обычно сохраняется без изменения (ʿkendr, hendr): сходное положение наблюдается в Германии в переходных говорах около Карлсруэ (Баден-Дурлах). Расширение перед -r встречается во всех украинских колониях, но с значительными колебаниями в степени расширения (ʿkurts, ʿkorts, ʿkɔrts, ʿkårts). В Ватерло, Бергдорфе и Глюкстале укрепилась общая форма множественного числа на -ə(n): ее победа над швабским окончанием -əd, вероятно, обусловлена влиянием господствующих в соседних селах зарейнских говоров. В общем следует отметить, что количественный перевес выходцев из Вюртемберга в коло-

ниях смешанного типа нигде не обеспечил безусловной победы соответствующих швабских признаков над франкскими.[1]

Нередко следы смешения могут быть обнаружены в говорах, образующих, по основным своим признакам, довольно прочное единство. На примере говоров старейших колоний Ленинградской губ., описанных А. Н. Штремом, я попытался установить важнейшие признаки смешения.[2] Напр. говор кол. Ново-Саратовка, Ленингр. окр. (1765), в своей основе-северно-баденский (Баден-Дурлах). Однако, в нем присутствуют элементы, свидетельствующие о незаконченном процессе смешения:

1) Колебания в пределах звукового ряда, напр. ei > a:ɪ, a: (ha:is — ha:s, kla:id — kla:d и т. п.). Различия такого рода наблюдаются между отдельными говорящими субъектами, или у того же субъекта — между отдельными словами, или, наконец, в том же самом слове — как фонетические дублеты.

2) Остаточные формы («реликты»), принадлежащие исчезнувшему говору: напр. в южно-немецком говоре кол. Новая Саратовка — средне-немецкое p- в dop, ᶜkop, šlubə (у отдельных субъектов), свидетельствующее о наличности средне-немецких элементов (ср. сказанное выше о кол. Александергильф).

3) Дублеты — напр. для «haben» — одновременно формы: hewə, hen, ho:ⁿ, hu:ⁿ.

4) Гибридные формы, напр. средне-немецкий суффикс уменьшительных -çɐ, -çr в южно-немецком говоре кол. Колпино (Ленингр. окр.): pfaifçɐ.

К этим грамматическим признакам присоединяются признаки лексические: слово, принадлежащее другому географическому району, может свидетельствовать о смешанном происхождении

---

[1] По официальным данным, выходцы из Вюртемберга в большинстве указанных колоний преобладают. Ср. Гюльдендорф — 65 сем. из Вюртемберга, 17 — из Бадена, 14 — разных; Глюксталь — 67 из Вюртемберга, 27 — из Венгрии, 10 — из Эльзаса, 9 — из Бадена, 3 — из Пфальца, 9 — разных; Бергдорф — 35 из Вюртемберга, 21 — из Эльзаса, 12 — разных. (См. Leibbrandt, op. cit., стр. 91, 55, 66).

[2] См. A. Strom und V. Schirmunski, op. cit (Teuthonista, т. III, стр. 155)

данного говора. К сожалению, вопросы словарно-географические («Wortgeographie») до сих пор еще недостаточно разработаны в самой Германии, чтобы можно было применять более или менее систематически этот критерий при определении родины колониальных говоров.

С методологической точки зрения особенный интерес представляет изучение колоний-выселков, основных в более недавнее время. В смешанных выселках, как показал уже проф. Дингес,[1] различия в говоре между выходцами из разных метрополий сохраняются втечение довольно значительного времени, и мы имеем возможность в таких случаях непосредственно наблюдать самый процесс смешения и униформации. Интересные наблюдения в этой области произведены были А. Н. Штремом. Он обследовал диалект кол. Янино около Ленинграда (основ. около 1860 г.), записывая различия произношения из дома в дом, и в пределах каждой отдельной семьи — из поколения в поколение. Жители кол. Янино происходят из трех старых метрополий Ленингр. окр., Ново-Саратовки, Средней Рогатки и Колпина, при чем они сохранили до сих пор диалектические отличия, обусловленные их происхождением (ei > a:, a : i; p — pf, интервокальное -g- как взрывной или как спирант; -en > -e, -ə и немн. др.). Согласно наблюдениям Штрема, язык молодого поколения обнаруживает менее значительные различия, чем язык старого поколения: происходит, таким образом, постепенное сближение говоров (конвергенция). При этом результат смешения не всегда определяется близостью к литературной норме: напр. средне-немецкое p- говора Средней-Рогатки вытесняет pf- (Ново-Саратовки и Колпина). Вообще, при прочих равных условиях, дети, по мнению Штрема, следуют говору матери; это наблюдение следует иметь в виду при генеологических справках о происхождении колонистов: в то время как наши генеологии считают происхождение по отцу, в передаче языковых особен-

[1] «К изучению говоров Поволжских немцев», стр. 2.

ностей, повидимому, царит матриархат. С другой стороны, по моим наблюдениям, произведенным в украинских колониях, ребенок от смешанного (в лингвистическом отношении) брака обычно пользуется одновременно несколькими языками: на одном языке он говорит с отцом на работе, на другом — с матерью дома (дочери, в особенности, тесно связаны с матерью, благодаря участью в домашнем хозяйстве), в некоторых случаях на третьем — с товарищами на улице. Из этого смешения постепенно может отстояться новая норма.

Иногда отдельные говорящие субъекты остаются, как рудименты исчезнувших говоров. Исследуя диалект Ямбургских колоний (Ленингр. окр.), А. Н. Штрем обнаружил в кол. Порхово семью, старшие представители которой (две старухи) сохранили верхне-гессенский говор, утраченный большинством их односельчан. Господствующий в настоящее время в ямбургских колониях говор — восточно-пфальцский: он совпадает, по основным своим признакам, с средне-немецкими говорами ленинградских колоний (Средняя Рогатка, Стрельна). Старый говор резко отличается от этого типа: из первичных признаков верхне-гессенского диалекта сохранились напр. сужение o:, e:(ö:) > u:, i: (du : d, bru : d, gru : s, gi:, šti:, bi : zə и др.), а также интервокальное -r- (< -d-) в некоторых отдельных словах; отсутствуют, однако, обращенные дифтонги и əi (< üe, ü:) (ср. häizr, äiər; mi : d, ʿki :). Из вторичных признаков, отмеченных в верхне-гессенском, присутствует смягчение интервокальных спирантов после долгого слога (ʿka : və, bi : zə и др.).

Вообще, история ямбургских говоров во многих отношениях поучительна; благодаря счастливому случаю, она может быть прослежена на протяжении более, чем 160 лет. Колонии эти (Порхово, Луцк, Франкфурт) основаны при Екатерине II в 1765 г. В 1793 г. большая часть первых поселенцев, недовольная условиями жизни на новой родине, переселилась в Новороссию, основав здесь к. Ямбург на Днепре (около Екатеринослава); на месте ушедших водворились выходцы из старых ленин-

градских колоний. Через 50 лет с небольшим, в 1849 г., из ямбургских колоний происходит вторичное выселение на юг, вызванное на этот раз увеличением населения и недостатком земли: переселенцы получили земли в Мариупольском окр., где основали к. Ней-Ямбург. Таким образом, благодаря происходившему в разное время обособлению выселков, фактически засвидетельствованы три последовательные ступени развития ямбургских говоров: 1793 (Ямбург на Днепре) — 1849 (Ней-Ямбург) — 1928 (современный говор ямбургских колоний).

Старейший говор ямбургских колонистов — северно-баварский; в колонии Ямбург на Днепре, в условиях изоляции, он до сих пор сохранил нетронутыми все свои характерные особенности. Второй говор (Ней-Ямбург) — верхне-гессенский: можно думать, что колонисты, переселившиеся в окрестности Ямбурга из старых Ленинградских колоний, принесли с собой этот гессенский говор, который вытеснил баварский диалект немногочисленных оставшихся на месте первоначальных поселенцев. Из первичных признаков верхне-гессенского в Ней-Ямбургском диалекте отчасти сохранилось сужение (du : d, gi:, šti:); отсутствуют обращенные дифтонг, формы на ɔi (mi : d, häizr, а не mɔid, hɔizr), интервокальное -r- вместо -d-. В общем Ней-Ямбургский диалект совпадает с записанным А. Н. Штремом архаическим говором кол. Порхово: по своему возрасту, старуха, которую исследовал Штрем, родилась около времени основания к. Ней-Ямбург. Наконец, новейший говор кол. Порхово — восточно-пфальцский, обусловлен воздействием ленинградских колоний (в особенности — браками): отсюда явилось характерное для пфальцских говоров št, šp (mišt, brušt, rašplə), отсутствующее в говорах гессенских, а также у старшего поколения в Порхове. В кол. Луцк и Франкфурт следов более архаического говора обнаружить не удалось; возможно, что здесь элементы пфальцские с самого начала преобладали над гессенскими.

Таким образом, и здесь в истории образования новых колониальных говоров наблюдается не спонтанное, непрерывное раз-

витие диалекта из «праязыка», а сложный ряд взаимодействий и смешений, в результате которых приходится констатировать необыкновенный факт, что за каких нибудь 150 лет старые ямбургские колонии успели три раза существенным образом изменить свой диалект.

Отсюда ясно, что «определение родины» говора должно ограничится установлением отношения между колониальными диалектами и соответствующими говорами на старой родине колонистов: вопрос о фактическом происхождении самих колонистов из той или другой местности Германии не может быть решен имманентно-лингвистическим исследованием, без привлечения соответствующих исторических свидетельств (списков поселенцев, церковных книг и т. д.). Как уже было мною однажды отмечено,[1] определение фактической родины колонистов на основании данных языка не исключает возможности *иллюзорных локализаций*. Представим себе два старых говора A и B и колониальный говор C, возникший из них в результате смешения. A имеет признаки a_1, a_2, a_3, a_4..., B—, соответственно, b_1, b_2, b_3, b_4..., смешанный говор C, напр. —a_1, b_2, b_3, a_4... Определяя родину C, мы найдем на диалектической карте Германии какое нибудь место X, лежащее между A и B, которое соединяет признаки обоих говоров, притом так же, как C (a_1, b_2, b_3, a_4...). Отнесение говора C к родине X является *диалектографической иллюзией*, поскольку фактически поселенцы происходят не из X, а из A и B. О такой иллюзорной локализации рассказывает напр. Э. Бемер в предисловии к своему исследованию о пфальцских колониях на нижнем Рейне:[2] на основании лингвистических данных он определил, что изучаемые им пфальцские колонии основаны выходцами из района г. Кузеля; между тем открытие архивных материалов по истории переселения показало, что большинство колонистов происходит из районов

[1] См. Teuthonista, III, стр. 154, op. cit.

[2] E. Bohmer «Die Sprach-und Grundungsgeschichte der pfälzischen Kolonien am Niederrhein», 1909, стр. 2.

Зиммерн и Крейценах, а поселенцев из Кузеля не оказалось вовсе. Подобного рода иллюзии угрожают исследователю на каждом шагу при локализации на карте старинных колониальных говоров, о которых не имеется точных исторических сведений (напр. говоры восточной Германии, старых немецких поселений в Трансильвании и др.). Только опираясь на исторические документы можно установить особенности функционирования сложного механизма образования смешанных говоров.

4. Образование «общего языка».

В областях немецкой колонизации, образующих определенное территориальное единство, постепенно развивается «общий язык» («Gemeinsprache», «κοινή»), вытесняющий отдельные местные говоры. Во многих случаях процесс этот еще не закончен и поддается непосредственному наблюдению. Грамматическую основу такого «общего языка» обычно образуют признаки, общие для всех говоров франкского типа; гессенский и швабский говор могут быть представлены только своими вторичными признаками.

В колониях черноморской группы довольно редко встречаются территории, заселенные исключительно немцами. Однако, даже при обычной чересполосице немецких, русских, украинских и др. деревень, между немецкими колониями определенного района обыкновенно устанавливаются довольно прочные хозяйственные и культурные связи; для первой половины XIX века (до уничтожения национальной автономии колонистов) к этому присоединяются связи административные. Но наибольшее объединяющее значение имеют не непосредственные сношения между соседними колониями («Verkehr»), а брачные связи, которые иногда распространяют свое влияние на очень обширную территорию. Этим обстоятельством объясняется роль конфессиональных различий в истории немецких колониальных диалектов: браки между католиками и лютеранами являются до сих пор

у колонистов большою редкостью. Во многих случаях можно даже говорить о диалектах «католических» и «лютеранских»: словоупотребление это узаконено давно самими колонистами («katholische» или «lutherische» Sprache).

Интересным примером «общего диалекта», возникшего на конфессиональной основе, является говор католических колоний «березанской группы» (Николаевского окр.): Шпейер, Ландау, Зульц, Катаринеталь, Карльсруэ, Раштадт и Мюнхен. Колонии эти рассеяны в степи на довольно значительном растоянии друг от друга (от 10 до 25 верст), причем особенно далеко от основной группы (Ландауского р.) лежат Мюнхен и Раштадт. Между немецкими селами находятся многочисленные украинские и русские деревни. Несмотря на такую чересполосицу, вся группа в языковом отношении объединяется общим диалектом (южнорейнско-пфальцского типа), обнаруживающим в отдельных колониях лишь чрезвычайно незначительные отклонения. В списках первоначальных поселенцев зарейнские колонисты (выходцы из южной части Пфальц и сев. Эльзаса), действительно стоят на первом месте, однако, рядом с ними выступают также и баденцы, которые образуют большинство в колониях Карльсруэ и Катаринеталь (Карльсруэ: 42 сем. из Бадена, 26 из Баварской Пфальц, 3 из Эльзаса; Катаринеталь: 17 сем. из Вюртемберга и Бадена, 17 — из Бадена, 19 — из Бав. Пфальц).[1] Тем не менее и две последние колонии подчинились общему диалектическому типу католических сел. Напротив, лютеранские (Рорбах, Вормс — Иоганнесталь, Ватерлоо) сохранили свои характерные особенности, и, кроме того, очень значительно отличаются друг от друга.

Немецкие колонии на р. Молочной (Мелитопольский окр.) образуют наиболее значительную сплошную территорию немецких поселений в черноморском крае (всего 24 верхненемецких колоний; кроме того, в непосредственном соседстве с ними, 49 мен-

[1] См. K. Keller «Die Beresaner Kolonien in Südrussland» (Deutsche Erde, 1909, т. VIII, стр. 206 сл.).

нонитских колоний). Диалект верхненемецких колоний — северно-баденский (из области Бадон-Дурлах), отдельные поселения по своему говору друг от друга почти не отличаются. Между тем из списков поселенцев, найденных А. Н. Штремом, явствует, что кроме многочисленных баденцев, среди колонистов в большом числе представлены выходцы из Вюртемберга, а также и из других частей юго-западной Германии (Гессен, Пфальц, сев. Эльзас). Таким образом, общий диалект, господствующий в настоящее время на р. Молочной, утвердился не сразу. Об этом свидетельствуют показания очевидцев; напр., один из участников переселения, колонист Э. Вальтер, писал в 1849 г.: «Обычно основание новой общины происходило так, что вместе селились люди, случайно сблизившиеся в пути или на казенных квартирах. Никто не думал при этом о том, чтобы селиться вместе с земляками или единоверцами. Выходцы из Пфальца, Эльзаса, Бадена, Вюртемберга, Гессена, иногда даже из Венгрии и Чехии — лютеране, католики, кальвинисты, — преследовали одну цель: как можно скорее поселиться на собственной земле»...[1] Действительно, как показал А. Н. Штрем, на Молочной можно и в настоящее время обнаружить рудиментарные признаки исчезнувших говоров. Из работы А. Н. Штрема я заимствую следующие данные. Католические колонии, на севере Молочной группы (Гейдельберг, Гохгейм) сохраняют средненемецкое ʿp- в начале слова (ʿpund, ʿpɛfr, ʿpoštə), а также монофтонгизацию старого ei > a: (вместо северно-баденского a:i) (bra:d, kla:d), т. е. явления, указывающие на более северные диалекты (восточно-пфальцские, гессенские); однако, у молодого поколения наблюдается распространение господствующего диалектического типа (pf-, a:i). Кол. Альт-Нассау была основана гессенцами и до сих пор сохраняет, как признак своего происхождения, st внутри слова, вместо господствующего на Молочной št (mist, brust вм.

[1] Unterhaltungsblatt fur deutsche Ansiedler im sudlichen Russland, Odessa, 1849: Beschreibung des molotschnaer Kolonistenbezirkes, von E Walter, стр 47.

mišt, brušt); кроме того в начале слова вместо средне-немецкого p- распространено f- (fund), которое, повидимому, является контаминацией средне-немецкого p- и южно-немецкого pf-, точнее — попыткой, на почве средне-немецкого говора, усвоить комбинацию pf-, заимствованную из общего диалекта Молочной группы и поддержанную кроме того литературной нормой.[1] В кол. Вейнау преобладали выходцы из Вюртемберга: рудиментарным признаком исчезнувшего швабского говора является здесь расширение i, u перед носовыми (reŋ, joŋ). В кол. Розенталь имеется немногочисленная группа так называемых «кашубов», говор которых на первый взгляд как будто обнаруживает восточно-средне-немецкие признаки (ostmitteldeutsch): 1. в начале слова p- > f- (fund); 2. ou > o: (glo : wn, do : b); 3. ei > e: (bre : d); 4. приставка ge- > ji- (jifaln); 5. сохраняется окончание -en в неопред. накл. и причаст. «Кашубами» немецкие колонисты обыкновенно называли выходцев с низовий Вислы, т. е. немцев из Кашубии; в списках поселенцев мы не находим выходцев из восточной части средней Германии: таким образом остается предположить, как это делает Штрем, что перечисленные выше особенности являются вторичными признаками исчезнувшего нижне-немецкого говора. Иными словами, на колониальной почве повторяется тот же процеесс смешения, который в самой Германии привел к образованию восточно-средне-немецких наречий; процесс этот приводит в колониях к образованию нового говора, по ряду признаков совпадающего с восточно-средне-немецким.

Во всех указанных случаях рудиментарные признаки вытесненных говоров ограничиваются вторичными диалектическими особенностями: гессенский и швабский диалект, в борьбе с общим языком, возникшим на основе франкских говоров, утратили все

---

[1] Согласно теории проф. Ф. Вредэ, которая подтверждается на этом примере, f — вместо pf — в начале слова в восточно-средне-немецких говорах (ostmitteldeutsch), также объясняется смешением на колониальной почве восточной Германии нижне-немецкого p- и южно-немецкого pf-

свои первичные признаки даже там, где на их стороне был значительный численный перевес.

С записями А. Н. Штрема интересно сопоставить описание говоров на р. Молочной, относящееся к середине XIX в.[1] Автор, Вильгельм Бауманн, чиновник Главного Управления Государственных Имуществ, подметил процесс смешения говоров и образования «общего диалекта» и изобразил его в полном соответствии с принципами современной диалектографии. Различия говоров в 1854 г., повидимому, были значительнее, чем в настоящее время: и здесь, однако, выделены те же колонии Вейнау, Альт-Нассау, Розенталь, как сохранившие наибольшую независимость от господствующего диалекта. Последний не вполне точно обозначен Бауманном, как баденско-пфальцский (badisch-pfälzisch): вероятно, и он имел при этом в виду северно-баденские диалекты, расположенные между Гейдельбергом и Карльсруэ.

«Хотя говоры колонистов и не являются до сих пор чем то неподвижным, находясь под постоянным влиянием одного господствующего наречия, из которого остальные постепенно заимствуют отдельные слова, произношение и интонацию, хотя в некоторых селах произношение почти в каждом доме особое, все же я попытаюсь дать общий обзор этого языкового смешения.

Из 24 колоний только одна населена выходцами из одной и той же местности, а именно — Вейнау, жители которой происходят из Вюртемберга, если не считать одного старого кашуба. В остальных селах население очень пестрое: по соседству друг с другом живут баденцы, вюртембержцы, восточные и западные пруссаки, так называемые «зарейнские» колонисты («Überrheiner»), эльзасцы, кашубы, так называемые «литовцы», австрийцы, мекленбуржцы и нассауцы. Благодаря бракам между лицами, говорящими на различных диалектах, возникает своеобразное смешение языков: напр., если говор мужа в селе господствует, он будет господствовать и между супругами, но некоторые эле-

[1] В сборнике Firmenich «Germaniens Volkerstimmen», 1854, т. III, стр. 434—435.

менты проникнут также из говора жены; обратное получится, если в селе господствует говор жены. Наконец, в тех случаях, когда в селе господствует третий говор, одинаково чуждый и жене и мужу, в доме устанавливается язык, смешанный из трех наречий, дети же говорят на диалекте, господствующем в селе, однако — с примесью некоторых элементов из говора родителей.

Из диалектов, вывезенных колонистами из Германии, имеют значение следующие: 1. Во всем районе безусловно господствует говор баденско-пфальцский, который занимает главенствующее место в следующих селах — Пришиб, Ней-Монталь, Гейдельберг, Блументаль, Тифенбрунн, Фридрихсфельд, Гохштедт, Лейтерсгаузен, Костгейм, Рейхенфельд, Кронсфельд, Карльсруэ, Дармштадт, Кайзерталь. 2. Швабский говор, господствует в кол. Вейнау, встречается также почти во всех других колониях, но играет в них лишь подчиненную роль. 3. Прусский говор — в Розентале и Гоффентале. 4. Нассауский говор в Альт-Нассау и, особенно, в Ней-Нассау. 5. Эльзасский говор играет, вообще, подчиненную роль, встречается в кол. Кронсфельд, Гохштедт и Ней-Монталь. Неоспоримым является также влияние немецкого литературного языка: им пользуются при богослужении, и учителя стараются в школе произносить более правильно. Молодежь поет песни обыкновенно на литературном языке, более или менее чистом»...

«Общим языком» такого же типа является крымско-швабский диалект. Он является, как было уже указано, продуктом смешения говоров франкского и швабского типа, при чем швабский утратил, как всегда, свои первичные признаки. Степени смешения в колониях-метрополиях довольно различны (напр. в кол. Нейзатц встречается франкское расширение перед -r : dɔrš̌t, ᶜkɛrç, которое, повидимому, отсутствует в других колониях). В выселках, где встречаются выходцы из разных метрополий, процесс сближения и униформации говоров развивается дальше, при чем эти новые говоры, в свою очередь, оказывают обратное влияние на метрополии. Господствующий крымско-швабский говор

поглотил, между прочим, и швейцарский диалект кол. Цюрихталь (Федосийский район): даже старики не помнят уже, как говорили первые поселенцы, так что в середине XIX в. процесс вытеснения был, вероятно, уже почти закончен. Из 8 колоний метрополий Крыма только две (Розенталь и Кроненталь) сохранили свой особый говор, резко отличный от господствующего типа. В обоих случаях причиной является конфессиональное обособление: Розенталь — католическая колония, Кроненталь — смешанная (с преобладанием католиков).

Говоры Ленинградских колоний также настолько сблизились, что можно и здесь говорить об «общем языке», который, благодаря сношениям и бракам между колониями, приобретает с каждым поколением все большее единство. Определяя родину говоров старейших колоний Ленинградской губ., мне пришлось отметить, что в настоящее время они совпадают по своим грамматическим признакам с немецкими диалектами, расположенными на востоке от Рейна между Вормсом и Карльсруэ (восточно-пфальцский к северно-баденский); сближение это, однако, по всей вероятности, является лишь результатом конвергирующей эволюции первоначально более резко отличавшихся друг от друга говоров. По крайней мере, некоторые признаки указывают на присутствие в ленинградских говорах диалектических элементов, выходящих за пределы предполагаемой «родины» как в северном, так и в южном направлении: 1. смягчение старого интервокального -f- > -w- (tsvaiwl, daiwl) является признаком более северных гессенских говоров; 2. расширение i, u перед носовыми (breŋə, joŋ) указывает на юг, в область говоров швабских.[1] Таким образом и здесь были отброшены первичные диалектические признаки, и более крайние диалектические отклонения севера и юга постепенно были выравнены в некоторой средней позиции.

5. Звуковые законы и миграция слов.

Различие между первичными и вторичными диалектическими признаками, установленное нами в связи с вопросом о взаимодействии диалекта и литературного языка, оказалось плодотворным и при изучении процесса образования смешанных говоров. Хотя при этом не приходится говорить о неизменных и четких границах, все же заложенные в этом противопоставлении тенденции имеют и принципиальное теоретическое значение. Различие заложено прежде всего в области артикуляции: разница в положении органов речи между o: и ao (gro:s — graos) гораздо заметнее, чем напр. между i и e (reɳ — riɳ), где различие сводится к незначительному сдвигу в положении языка. Этим обусловлено впечатление более или менее значительной акустической близости между соответствующими звуковыми комплексами. Однако, еще более существенное значение имеет психологическая сторона этого явления: по отношению к признакам вторичным сам говорящий обычно не замечает разницы между своим произношением и нормой литературного языка; напр., для шваба неожиданностью явится указание, что в его произношении -r перед переднеязычными согласными почти не слышно (ga:ʳdɐ, vi:ʳd), или что новые дифтонги əi (ɛi), əu (ɔu) произносятся им иначе, чем в литературном языке (ai, äi; au). Эти вторичные признаки говора, не доходящие до сознания говорящего, обычно вносятся им и в литературный язык; нередко даже он готов утверждать, что именно его произношение — единственно правильное: так, в Гросс-Либентале один учитель-шваб доказывал мне, что besr и esʳ и в литературном произношении звучат различно. С другой стороны, и для наивного (т. е. фонетически необразованного) слушателя различие в произношении при вторичных признаках остается не

---

[1] Ср Teuthonista, III, стр. 165, op. cit.

вполне ясным: конечно, слушатель сразу улавливает характерную и непривычную для него диалектическую окраску речи, однако, он не может в точности указать, чем эта окраска обусловлена. Следовательно, в подобных случаях исключается возможность насмешки над непривычным произношением, которая в случаях, подобных fuir вм. fɔiər (или fâiər) и graos вм. gro:s, приводит к вытеснению необычного диалектического слова. Наконец, с точки зрения социально-лингвистической, вторичные признаки не являются препятствием для языковых сношений; напротив, наличие первичных признаков затрудняет общение между лицами, говорящими на разных диалектах, и потому в местах со смешанным населением они стираются особенно быстро.

Необходимо также указать на значение графической фиксации диалектических признаков: особенности диалекта, не имеющие графических соответствий (напр. различия открытых и закрытых гласных и др.), менее всего подвержены воздействию литературного языка; это — как бы оттенки фонемы, обозначаемые одинаковым знаком: они мыслятся, как тождественные, хотя и различаются фактически в произношении. Последним обстоятельством определяются, между прочим, пределы достоверности косвенного (анкетного) метода в области диалектографии: показания «наивных» наблюдателей (напр. сельских учителей, которыми пользовался Г. Венкер), обыкновенно вполне достоверны для первичных признаков, но, в большинстве случаев, недостаточны для признаков вторичных, не дифференцированных отчетливо в сознании говорящего и не имеющих определенных графических эквивалентов.

Указанные различия объясняют разную судьбу первичных и вторичных признаков при столкновении с литературной нормой или с диалектическим «общим языком», выступающим в некоторых случаях, как своего рода диалектическая норма (ср. напр. в колониях общие признаки «франкского» типа). Первичные признаки при этом отпадают, как мы уже видели на целом ряде

примеров, вторичные сохраняются, образуя грамматическую основу нового говора.

Два разных типа диалектологических объектов могут быть установлены с помощью этого различия. Для одних родным языком является диалект; под влиянием литературного языка они легко могут отказаться от первичных диалектических признаков, но всегда сохраняют вторичные. Для других, напротив, диалект является чужим языком; попав в диалектическую среду, такие субъекты легко усваивают от окружающих первичные признаки говора (graos, šnae, fuir, i gaŋ и т. д.), но менее заметные вторичные признаки в их произношении отсутствуют (напр. различие между besr и esɐ, расширение перед носовыми т. д.); с тем вместе должна отсутствовать и характерная диалектическая окраска соответствующего говора, то, что можно было бы назвать его «артикуляционной базой». Первый случай мы имеем обычно при развитии городских диалектов или диалектически окрашенного разговорного языка образованного общества («Halbmundart», «höhere Umgangsprache»). Как известно, в Германии до сих пор такие городские наречия довольно значительно друг от друга разнятся (напр. разговорный язык в Кельне, Мюнхене, Гамбурге, Берлине), так что единый литературный язык, по крайней мере в области фонетики (и словаря), является скорее идеальным заданием, тенденцией, нежели лингвистическим фактом. Термин «диалектически окрашенный разговорный язык» («mundartlich gefärbte Umgangsprache»), употребляемый по отношению к языкам такого рода, в сущности дает неправильное представление об этом лингвистическом явлении: на самом деле перед нами провинциальные диалекты, лишившиеся своих наиболее резких первичных признаков, т. е. прошедшие путь развития, который мы наблюдали в колониях при образовании «ново-швабских» говоров. Реже встречается обратный случай — когда появление в диалектической среде «чужих», усваивающих только первичные признаки нового для них говора, оказывает влияние на развитие языка. Интересный случай подобного рода описывает Ад. Бах.: диалект

лового городского центра, быстро разросшегося благодаря пришлому населению, отличается от окружающих деревень отсутствием некоторых признаков, которые мы назвали бы вторичными.[1]

Особенно существенное значение имеет различное отношение первичных и вторичных признаков к так называемым «звуковым законам». В случаях, подобных graos—gro:s, haox—ho:x, flao—flo:, мы имеем дело с отчетливо дифференцированными лексическими дублетами. При столкновении такого первичнаго признака с литературной нормой каждое слово, входящее в состав звукового ряда, имеет свою особую судьбу: graos исчезает сравнительно быстро, flao остается дольше, как слово, принадлежащее к интимному, семейному языку; вместо lɛɐbr утверждается lɛ:br, вместо fuir-fəiɔr, но в неразрывных фразовых группах и оборотах речи сохраняется «srɛɐgəʳd» или «fuir jɔ:!». В сущности, мы имеем дело в таких случаях не с звуковым законом, а с *вытеснением* или, шире говоря, с *миграцией* отдельных слов. Иначе обстоит дело при расширении i, u + nasal > e, o или в случаях, подобных характерному для швабского произношения новых дифтонгов äi, au (< i:, u:), как əi, əu. Здесь мы имеем уже не отчетливо дифференцированные лексические дублеты, а незначительный сдвиг артикуляции, происходящий механически и бессознательно и потому незаметный для самого говорящего (напр. reŋ — riŋ, vəib — väib). Такое смещение артикуляции с необходимостью распространяется на все слова, в которых встречается данный звуковой комплекс: напр.: binden > bendɐ, finden > fendɐ, singen > seŋɐ, ring > reŋ и т. д. К случаям подобного рода применимо понятие *звукового закона*.

Как известно, современная диалектография (французская и немецкая) оспаривает закономерность развития диалектов, так как в целом ряде случаев было обнаружено, что каждое отдель-

---

[1] Ad. Bach «Zum Problem der Stadtmundart» (Teuthonista, I, стр. 41).

ное слово имеет в истории языка свою особую судьбу.[1] Напр. в Рейнской провинции, как показал Т. Фрингс, границы между формами se : s и seks, o : s и oks, va : sn и vaksn проходят на значительном расстоянии друг от друга.[2] Однако, при этом необходимо иметь в виду, что se : s — seks, o : s — oks и т. д. являются отчетливо дифференцированными лексическими дублетами, т. е. признаками первичными: в подобных случаях мы имеем дело с *миграцией слов*, а не с распространением *звукового закона*. Напротив, расширение i, u перед носовыми в швабском не допускает особых границ для отдельных слов, поскольку признаки вторичные относятся к области фонетики, а не лексики, и основываются на механическом, бессознательном и потому «закономерном» смещении артикуляции.

С точки зрения исторической, именно вторичные признаки, т. е. незначительные и неуловимые для говорящего отклонения артикуляции, являются нормальной основой закономерного изменения звуковой системы языка. При звуковых переходах в большинстве случаев мы имеем дело не с резкими скачками, а с незаметным соскальзыванием из одного артикуляционного положения в другое, соседнее; обычные формулы исторической грамматики фиксируют лишь крайние точки этого непрерывного процесса, напр.: a:... å:... ɔ:... o: (a: > o:). Так же непрерывно распространяется такое изменение в пределах той или иной географической территории (конечно — лишь в отвлеченных и идеальных условиях однородной лингвистической среды): географическая карта развертывает временный процесс в виде пространственной последовательности непрерывно изменяющихся артикуляций — a:... å:... ɔ:... o:. Это скольжение можно сравнить с течением реки, причем границы физические, экономические, политические («Verkehrsgrenzen») являются теми плоти-

---

[1] Ср В. Жирмунский «Проблемы немецкой диалектографии в связи с историческим краеведением» (Этнография, кн III, 1927, № 1, стр. 143).

[2] Th Frings в сборнике «Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden», Bonn, 1926, стр. 115 сл

нами, которые останавливают непрерывное движение: в результате, по ту и другую сторону границы, с течением времени, может установиться более или менее значительная разница уровня. Около таких границ, препятствующих общению, незначительные вторичные отклонения интегрируются и вырастают в первичные: по одну сторону границы сохраняется a:, по другую сторону, через ряд промежуточных ступеней, изменение доходит до o: или, возвращаясь к швабским примерам, у такой границы сталкиваются — с одной стороны: graos, haox, raod..., с другой стороны: gro:s, ho:x, ro:d... Когда граница затем снимается, и возобновляются хозяйственные и культурные сношения, начинается миграция слов, из которых каждое может иметь свою судьбу, потому что из фонетических вариантов одного и того же слова они успели вырасти в отчетливо дифференцируемые лексические дублеты.

Изучение лингвистической карты Германии показывает во многих случаях наличность на протяжении более или менее обширной территории нескольких последовательных ступеней развития звуков. Напр., старый дифтон ei дает a: (вост.-пфальцск.) — (a:^{i}) — a:i (сев.-баденск.) — ɔ·e (швабск.); долгое a: отражается как o: (франкск.) — ɔ: (швабск.) — a: (в некоторых швейцарских говорах). С другой стороны, внимательное изучение отдельных говоров из села в село обнаружило в целом ряде случаев для вторичных диалектических признаков, вместо четких границ, ряд непрерывных переходов от одной артикуляции к другой; такие переходные зоны существуют, повидимому, на швабско-франкской диалектической границе между -b- (швабск.) и -w- (франкск.), между -g- (швабск.) и -γ- (франкск.), между швабским расширением i, u + nasal. > e, o и франкским сохранением i, u в таком же положении. Внимательное фонографическое обследование переходных зон, вероятно, дало бы возможность привести большое число подобных примеров. С другой стороны, существуют, конечно, и вполне четкие границы, где непосредственно соприкасаются две резко дифференцированные формы, которые образуют,

с исторической точки зрения, лишь крайние пункты в непрерывном ряде артикуляционных смещений. В основе этой противоположности двух типов диалектических границ проявляется еще раз существенное различие между признаками первичными и вторичными, установленное нами при изучении колониальных говоров.

В. Жирмунский.

25 апреля 1928.

ЭЛЕМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академия Наук
Академии Наук СССР